

Мария Зайцова

К Чёрту

8 марта!

Мария Зайцева

К черту 8 марта!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68986704

К черту 8 марта!:

Аннотация

Мне не нравится Восьмое марта! Всегда в этот день со мной происходит что-то... Что-то. То в школе на дискотеке опозорюсь, то грабители нападут, то... Короче говоря, плохой день. К черту его! Вот только тот, кто постоянно попадаетеся на моем пути в этот праздник, со мной не согласен... И его просто так к черту не отправишь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	40

Мария Зайцева

К черту 8 марта!

Глава 1

– Малинкина, смотри, ровно?

Анька Петрова, Машкина соседка по парте, поворачивается спиной, выпрямляясь, чтоб волосы легли ровно.

Машка, оторвавшись от зеркала, где мазала губы купленным на сэкономленные на завтраках деньги блеском самой крутой в мире марки, скользит взглядом по спине подружки.

– Ровно.

Анька, развернувшись, подходит к зеркалу, становясь чуть позади Машки, поправляет бант на новой блузке.

Машка старается не смотреть, не завидовать. У Аньки родители богатые, блузки, туфельки, а какая классная косметичка с настоящей косметикой! Ей о таком только мечтать...

Закончив подкрашивать губы, убирает блеск в сумочку, мысленно делая пометку не забыть запрягать подальше. Не дай бог, мама найдет, разборка будет...

Пару мгновений подружки смотрят на себя в зеркало лаборантской кабинета биологии, набираясь смелости, чтоб пойти в актовый зал на школьную дискотеку, посвященную Восьмому марта.

Это событие, грандиозное. К нему готовились долго, а Машка – так еще и провернула титаническую работу с мамой, чтоб та смягчилась и отпустила ее. Шутка ли, вечером, в шесть часов только начало! А обратно когда? Стемнеет уже! Двенадцатилетней девочке нечего шляться по темени одной!

Короче говоря, Машка до сих пор в шоке, что маму удалось уговорить.

– Там новенький будет, – шепчет Анька, краснея щеками и ушами одновременно.

– И что? – Машка демонстративно пожимает плечами, хотя все внутри замирает от напряжения. Новенький, Витек Семин из параллельного... Красивый, и, говорят, чемпион какой-то... Она не то, чтоб специально узнавала, но слухами школа наполнилась. А сам Витек, высокий, светленький, и взгляд такой... Ух! На переменах, когда встречаются с бэшками в кабинетах, даже сердце заходится, если смотрит... А он смотрит...

Но Аньке, естественно, про Машкино сердце знать нельзя. Они, конечно, подружки, и с первого класса за одной партой, но пару раз было, что Анька нечаянно секретики выдавала Машкины. И когда у Машки случайно колготки порвались сзади на попе, Анька неловко задела ее сумкой и задрала юбку... И все увидели... Машка до сих пор ежится, вспоминая свой позор и смех одноклассников. И быть бы ей с прозвищем гадким до конца школы, но Сашка Светлов, са-

мый главный хулиган не только в их классе, но и во всей параллели, как раз в этот момент окно разбил в кабинете. Все отвлеклись и про Машку забыли.

Так что... Не стоит Аньке знать, что новенький нравится Машке... Не стоит.

Девочки выходят из лаборантской, запирают ее на ключ, потому что биологичка, их класнуха, будет ругаться, если оставят открытой, и ключ надо ей вернуть.

Биологичка сегодня дежурит внизу, в актовом зале, следит, чтоб школьники не слишком бесились. Кроме нее, там еще физрук и завуч. Короче говоря, не разгуляешься.

Но Машке без разницы на учителей. Она первый раз идет на школьные танцы, и волнение зашкаливает.

В актовом зале полумрак, музыка гремит вовсю, а народу мало совсем танцует... Только восьмые классы зажигают, они взрослые уже, вообще не стесняются.

Машка с Анькой стоят у стены, взволнованно вытягивают шеи, высматривая одноклассниц.

Сквозь толпу Машка видит новенького и замирает. Он смотрит на нее, не отрываясь.

Машка волнуется, сердце колотит бешено в грудь, губы пересыхают. Хочется обернуться, убедиться, что рядом никого нет... Что на нее смотрит...

Где-то сбоку раздается взрыв смеха, Машка вздрагивает и отводит взгляд, с неудовольствием косясь в сторону шумных мальчишек.

В основном, там восьмые классы, но есть и парочка из седьмых. Натывается на смешливый взгляд Сашки Светлова, поджимает губу с неудовольствием. Только бы не прицепился опять, дурак.

Он в последнее время часто лезет к Машке, то за волосы дернет, то толкнет, то скажет что-нибудь обидное. Машка злится и отвечает тем же: толкает в ответ, лупит со всего размаху по глупой лохматой башке, дразнит. Но, кажется, это только больше раздражает Светлова. Дурак, что с него взять...

Другое дело, новенький... Опять смотрит... Опять!

Музыка становится медленной, и Машка с диким волнением видит, как Семин идет в их с Анькой сторону.

Анька дергает ее за руку:

– Машка... Машка, идет! Идет!

Машка досадливо вырывает локоть. И без того видно, что идет.

Прикусывает губу, стараясь выглядеть спокойной и взрослой. Тут же с ужасом вспоминает, что на губах блеск, малиновый, а теперь, наверно, и на зубах!

Кошмар! Как быть? Не улыбаться!

– Привет, – здоровается с ней Семин. Именно с ней, Аньку, стоящую рядом, словно не замечает.

– Привет, – едва слышно пищит Машка, ощущая, как дыхание замирает.

Он разговаривает! С ней! С ней!

– Хочешь... потанцевать?

Ох... Он реально приглашает, да? Да?

Она боится говорить, а потому кивает.

Семин разворачивается и идет в зал.

Машка, боясь смотреть вокруг, вдруг кто-то что-то говорит и вообще... Идет следом. Семин тормозит сбоку от места для танцев, поворачивается и тянет к ней руку... Черт... Машка выдыхает, подходит ближе и кладет руки на острые плечи Семина.

Музыка, медленная, красивая, обволакивает, попадая в такт их неловким топотаниям на одном месте, и Машке кажется, что они, словно в мультике про Золушку, летают, скользят по залу, красиво и быстро. Голова кружится от волнения и счастья, а Семин красивый такой, и серьезный. И за талию держит крепко... И его ладони тяжелыми кажутся, блузка в тех местах, где касается, горячая.

Семин что-то говорит, но Машка не может отвечать, потому что кажется, если раскроет рот, то перестанет контролировать ноги и упадет...

Семин опять что-то говорит, явно спрашивает... Спрашивает? Черт...

Машка мотает головой, показывая, что из-за музыки не слышит его слов, и Семин наклоняется ниже, чуть ли не касаясь губами ее ушка, отчего у Машки загорается мочка, повторяет:

– Тебе тут нравится?

– Да! – Машка с готовностью кивает, словно болванчик на торпеде машины, – очень. А тебе?

Чего ей стоит поддержание разговора, никто никогда не узнает...

– Да, – коротко отвечает Семин, – теперь.

Это слово он говорит с паузой и смотрит так... Он что, он реально? Он про то, что она думает, да?

Ох...

Машка неосознанно крепче сжимает пальцы на плечах мальчика и ощущает, как его руки тоже стискивают сильнее ее талию. Офигеть...

– Эй, Малина, колготки зашила уже? – громко, перекрывающая музыку, доносится смех со стороны группки одноклассников, стоящих неподалеку.

Машка замирает, распахивая глаза, словно лемур, застигнутый лучом света.

– Это они о чем? – хмурится Семин, останавливаясь и глядя в сторону одноклассников.

– Ни о чем... – бормочет Машка, краснея всем лицом и пытаясь вырваться из его рук.

– Она пердушка у нас, ты не знал, Семин? – голос подружки Аньки, громкий и язвительный, кажется, перекрывает музыку, – с ней никто сидеть не хочет за партой! В том году даже колготки на жопе пропердела!

Машка, не в силах выдержать позор и предательство, всхлипывает и вырывается из рук Семина. Он, кстати, не

особенно и удерживает.

Сквозь улюлюканье и свист Машка проносится к выходу из зала, сразу на второй этаж, в женский туалет, там с разбега запирается в кабинке и громко, навзрыд, рыдает.

Надо бы сдержаться, повести себя по-другому, может, ответить предательнице Аньке злой шуткой... Но голова отключается, перед глазами только удивленные глаза Семина, гадкие слова бывшей подружки... И позор, позор несмываемый!

К черту! К черту эту школу! Это Восьмое марта! Эту жизнь!

К черту!

Машка не знает, сколько сидит в туалете, просто в какой-то момент слезы перестают течь, а нервная икота проходит. Она встает, умывается и идет к лаборантской кабинета биологии.

В школе темно, наверно, дискотека закончилась...

И это хорошо.

В кабинете сидит биологичка:

– Малинкина, ну где тебя носит? Я уже пятнадцать минут сижу тут, жду тебя! Все уже разошлись! Хотела в полицию звонить...

– Простите, Марь Викторовна, – бормочет Машка, – я в туалете была...

– Тебе плохо? – хмурится биологичка, но Машка мотает головой и направляется в лаборантскую за одеждой.

Вспомнив про блеск и необходимость его прятать от мамы, она ищет его в сумке... И не находит. Не веря, перерывает несколько раз сумку, но блеска нет!

Это становится окончательной каплей в череде жутких событий этого Восьмого марта, и Машка, едва сдерживая слезы, прощается с класнухой, выбегает из школы и уже на крыльце опять дает волю слезам, оплакивая все на свете: ужасный свой позор, предательство Аньки, Семина, потерю единственной вещи, что приносила радость...

Когда от стены крыльца отделяется темная невысокая фигура, Машка даже не реагирует. Что еще плохого может случиться с ней сегодня? Все уже было!

– Ты че реवेशь? – голос, знакомый, хрипловатый, без привычных своих издевательских интонаций, заставляет замолчать и удивленно вытаращиться на своего обладателя.

Одноклассника Сашку Светлова, хулигана и придурка.

Что ему тут надо? Еще поиздеваться хочет? Ну уж нет!

Машка, покрепче сжав ремень сумки, отходит чуть в сторону, смотрит на него исподлобья:

– Ниче.

– Из-за этой дуры, что ли? – хмыкает Сашка, подходя ближе, – плюнь на нее. Она овца.

Машка не возражает. Что есть, то есть. Разглядывает Сашку, отмечая синяк под глазом и кровь на губе. Откуда? Вроде, вот только не было...

– Ты дрался, что ли? – вопрос вылетает сам собой, и Саш-

ка, дотронувшись до губы и чуть поморщившись, отвечает:

– Не-е-е-е... Это так... Разговор...

Он кажется таким неожиданно взрослым, когда произносит это, что Машка уважительно кивает, не задавая больше уточняющих вопросов, молча спускается с крыльца.

Сашка идет следом. Тоже молча.

– Ты чего? – поворачивается Машка к нему. – Тебе тоже в эту сторону?

– Ага...

Он прибавляет шаг, равняясь с ней, подстраивается под ее темп.

– Че рыдала? – опять задает вопрос.

Машка косится, немного удивляясь такому настойчивому интересу. Светлов – известный двоечник, хулиган и матершинник. Странно, что он может говорить спокойно. И сейчас... Зачем интересуется? Все же понимает, раз про Аньку сказал... Или нет? Может, не понимает? Ну, тогда и не надо...

– Блеск для губ пропал, – голос неожиданно подрагивает, и слезы удается сдержать с трудом, – я только купила...

– Из-за такой фигни рыдать? – удивляется Сашка, проявляя типичную для мужчин толстокожесть, и Машка, почему-то не выдержав, опять заливается слезами.

Она рыдает, закрыв лицо руками, и не замечает, как Сашка, неуклюже потоптавшись рядом, обнимает ее и пытается утешать, поглаживая по спине и что-то бормоча про то, что

ничего страшного, что блеск – это фигня, а она возражает ему, что не фигня, что он такой красивый и дорогой, что она один разочек только попользовалась...

В итоге, когда от истерики остаются только легкие судорожные вздохи, Машка понимает, что стоит с Сашкой, обнявшись...

И это кажется неожиданно странным и пугающим. Пожалуй, гораздо страннее, чем до этого медляк с Семиным... Она задирает подбородок.

Сашка смотрит на нее, и, кажется, даже не дышит. Глаза его, темные, какие-то странные, а запекшаяся кровь на нижней губе придает боевой, взрослый вид...

Он держит ее за плечи, рассматривает внимательно и серьезно а затем шепчет:

– Не нужен тебе никакой блеск, Малинка, у тебя губы и так, словно малина...

И Машку в жар бросает от его слов, становится настолько стыдно и волнительно, что она не может терпеть, отталкивает Сашку и бежит домой. Они к этому времени умудряются дойти практически до ее дома, так что Сашка не успевает ее догнать.

Машка забегает в подъезд, в одно дыханье залетает к себе на третий, затем в квартиру, скидывает обувь и куртку и запирается в ванной.

Там она смотрит на себя, безумную, красную, зареванную всю.

И в голове звучат Сашкины слова: “Твои губы, как малина...”

Черт... Чего это он? Зачем?

Так и не найдя ответа, Машка умывается, отказывается от ужина и валится в кровать.

И перед сном вспоминает совсем не свой позор, а Сашкины блестящие глаза и его слова.

На следующий день у нее поднимается температура, и Машка две недели валяется с орз дома.

И за это время умудряется уговорить маму перевести ее в другую школу. Она хочет быть врачом, а нужная ей школа является опорной от медицинского университета.

Аргументы серьезные, и мама соглашается...

Машка больше не появляется в своей старой школе, постепенно забывая Аньку, свой позор, Семина...

Машка увлечена новой школой, одноклассниками, которые не знают про дырку на колготках, учебой, пусть теперь приходится ездить две остановки по прямой...

Она ни о чем не жалеет... Может, только о темных глазах Светлова, взволнованно глядящих на нее, о его словах: “Твои губы, как малина...”

Это кажется волнительным и нереальным, и со временем тоже тускнеет, все больше напоминая сон.

А Восьмое марта Машка теперь не любит. Дурацкий праздник. К черту его!

Глава 2

– И вот представь, когда раскопали это захоронение, там обнаружили в целости и сохранности скелет скифской принцессы! Это невероятное открытие!

Вадик горячится, поправляет очки, даже, кажется, чуть-чуть подпрыгивает, отбегая на пару шагов дальше Машки и идя спиной вперед, чтоб смотреть в глаза и видеть, как она реагирует на его рассказ.

Машке приходится округлять глаза и открывать удивленно рот, хотя, на самом деле, история раскопок могил ее не особенно увлекает.

Но Вадик не замечает этого, он размахивает руками, оседлав своего любимого конька, торопится, глотая звуки, стремясь донести до Машки всю важность того, о чем говорит.

А она идет, чуть ускоряясь, потому что уже поздно и темно, и опять это проклятое Восьмое марта, которое ей со школы не нравилось, и зачем вообще пошла на дурацкие камерные посиделки для избранных?

Это не банальная вписка, где пьют и веселятся, нет... Это такой интеллектуальный вечер, где все строят из себя ужасных умников и кривят нос, если ты не умеешь поддерживать разговор на заданную тему.

Машка не умеет. Она медик, уже, практически, интерн, она может рассказать, как ставить катетер мужчине в пах, как

вправлять выбитое плечо и зашивать порез от ножа. А не вот это вот все... И потому сегодня на интеллектуальном вечере, куда затащил ее неугомонный Вадик, с чего-то решивший, что они пара, не блистала совсем.

Потому и настроение не особо, хотя обычно Машка на такие мелочи не обращает внимание. Жизнь закалила, насмешливые взгляды окружающих теперь не трогают.

Машка знает свои сильные и слабые стороны, имеет серьезные планы на жизнь.

Она подрабатывает в травме и очень этим довольна. По крайней мере, наличие работы позволило съехать от мамы и снять угол возле универа. И вот уже полтора года она совершенно свободна и так же совершенно счастлива. И еще завтра она уезжает в столицу на преддипломную. Пригласили в одну из престижных клиник. Мало кого приглашают, на самом деле. И Машке по этому поводу опять завидуют. Но она уже давно не та восторженная двенадцатилетка, она умеет держать удар и язвительно отвечать всем длинноязыким придуркам.

Вадик знает о практике, знает об ее отъезде и надеется, что сегодня будет продолжение вечера. Не у себя дома, потому что там мама, а у Машки в съемной халупе, на матрасе.

И Машка, если честно, в начале вечера такой вариант рассматривала... Но сейчас, глядя на воодушевленного Вадика, все больше склоняется к тому, что перед поездкой надо отдохнуть. Одной.

А он... Ему явно интересней древняя скифская принцесса, чем Машка.

Они идут в темноте, легко похрустывая мартовским льдом, и тени вокруг сгущаются...

И выступают перед ними, загрозявая путь.

Вадик натывается на одну из теней спиной, ойкает, замирает, испуганно поправляет очки...

Машка тоже замирает, внимательно разглядывая троих высоченных парней, перегородивших им путь. Пальцы ныряют в карман, нащупывая там скальпель. Просто так она не дастся.

Вадик смешно ежится, отходит на шаг, к Машке, и ей кажется, что, будь его воля, он бы и за спину к ней спрятался.

Это так... Глупо... Несмотря на опасность, Машка ощущает разочарование. Похоже, она все же не до конца склонилась к мысли спать сегодня одной, рассматривала варианты... Глупая какая.

И Восьмое марта это... Все из-за него. Никогда ничего хорошего не приносило!

– С праздником, девушка, – здороваются, между тем, один из парней и подходит ближе.

Свет фонаря выхватывает пустой взгляд со слегка расширенными зрачками, и Машка понимает, что все гораздо опасней, чем она думала буквально минуту назад...

– Спасибо, – спокойно отвечает она.

Вадик, придя в себя чуть-чуть, вспоминает, что он муж-

ского пола, и слегка подрагивающим голосом спрашивает:

– Вы что-то хотели?

– Да, – соглашается другой парень, – хотели... Телефоны, карточки, пин-код от них. И у девушки сережки.

Машка машинально хватается за длинные блестящие серьги, не особенно дорогие, но красивые очень. Эти серьги – штучная работа, таких больше нет. И отдавать их безумно не хочется. Но, похоже, придется.

Парни пока что настроены мирно, говорят без присущей наркоманам в ломке истеричности, значит, есть шанс отделаться малой кровью. Чтоб она еще хоть раз вышла куда-нибудь Восьмого марта...

Все ломает Вадик, неожиданно возомнивший себя мужчиной, или, может, неверно оценивший степень опасности. Он выпрямляется, задирает подбородок:

– Это с чего еще? Да я на вас в полицию...

И тут же хрипит, сгибаясь от боли. Кто-то из парней, Машка не замечает даже, кто именно, бьет его в живот.

Машка стоит, не двигаясь, не делая попытки помочь Вадиду, потому что дурак и сам нарвался, открывает сумку, достает дешевенький китайский телефон, протягивает одному из парней.

– У меня нет карточек... Только телефон и немного наличных, – говорит она.

– Серьги, – напоминает грабитель, делая к ней шаг, и в этот момент Вадик, разогнувшись, отталкивает его в сторо-

ну и с воем бежит прочь, развивая неожиданно серьезную скорость.

Машка оторопело смотрит ему вслед, впрочем, грабители тоже офигевают.

А затем, переглянувшись, начинают дико ржать.

Машка, несмотря на дурость и возросшую опасность ситуации, тоже ощущает потребность рассмеяться... Очень уж все глупо складывается. И Вадик этот нелепый... И сама ситуация. Она осталась один на один с тремя грабителями...

С ума сойти!

Вот тебе и Восьмое марта...

К черту такой праздник!

А парни, отсмеявшись, как по команде, смотрят на нее, и Машка замирает, ощущая, как меняется неожиданно атмосфера, становясь еще опасней, чем до этого.

– Че ж такой парень у тебя говняный? – задает вопрос тот из грабителей, что требовал у нее серьги, – бросил девушку одну... С тремя мужиками... О чем думал?

– Не уверена, что он... думал... – Машка сильнее сжимает скальпель в кармане, отступает назад.

– И зачем он тебе, такой? – задает закономерный вопрос парень, – бери меня лучше.

– Или меня, – вступает второй.

Машка ежится от ставших настойчивыми и масляными взглядов, мотает головой.

И в этот момент из полумрака выступает третий из пар-

ней, до этого времени молчаливо наблюдающий за происходящим.

Он делает шаг к Машке, сразу оказываясь как-то близко, нависая над ней. Из-за облаков выглядывает луна, и Машка с удивлением всматривается в лицо грабителя. Почему-то кажущееся ей знакомым...

Он легко приподнимает ее пальцем за подбородок, изучает... Его темные глаза щурятся, тоже знакомо...

– Лучше меня, – тихо говорит он, и Машка с изумлением и узнаванием вглядывается в хмурое, но вполне симпатичное лицо.

Она открывает рот, чтоб произнести имя, но парень чуть заметно качает головой, и Машка понятливо молчит.

Большой палец, с чуть шершавой подушечкой, мягко и даже ласково проходится по подбородку и скуле, затем ладонь скользит по шее вниз, заставляя немного испуганно сглатывать...

И исчезает.

А Сашка Светлов, а это именно он, ошибки быть не может, все смотрит и смотрит на нее, не отрываясь. И затем, не оборачиваясь, говорит почему-то притихшим приятелям:

– Телефон вернули.

И протягивает руку.

Ему без единого вопроса и возражения отдают телефон.

Сашка возвращает его обомлевшей Машке, усмехается едва заметно, а затем говорит громко, опять же не глядя на

своих приятелей:

– Девушка меня выбрала, всем привет.

– Везунчик, – завистливо тянет один из парней, а второй, то самый, что с расширенными зрачками, только смеется, слегка крипово.

Сашка молча тянет Машку за руку дальше по аллейке, больше не обращая внимания на оставшихся там парней.

Машке очень хочется спросить, продолжают ли они свою охоту или уйдут, но этот вопрос явно неуместен сейчас...

А уместные вопросы почему-то улечиваются из головы с диким свистом. Только бесконечное изумление от странного выверта судьбы, да еще дикое волнение, от которого сердце стучит сильно и больно.

Она безмолвно топает следом за Сашкой, рассматривая его неожиданно широкие плечи, темные волосы, татуху на шее, прямо над воротом куртки, ощущает, какая горячая и крепкая у него рука...

И в этот момент почему-то плевать, куда он тащит ее так настойчиво и что планирует дальше делать. И нет в голове мысли, что Сашка, этот новый и совсем незнакомый, может быть опасен... Не просто же так он стоял сейчас там, в темной аллее, карауля зазевавшихся путников?

Они выходят из аллеи к набережной закованной в лед реки. Тут светло от фонарей, да и луна яркая сегодня.

Сашка тормозит, разворачивается и смотрит на Машку. Глаза его улыбаются, а лицо серьезно:

– Ну привет, Малинка, – здороваётся он, – какого хрена ты тут забыла?

– Привет, Светлов, – Машка тоже улыбается, пожимает плечами, – как-то так получилось... Я тут живу недалеко...

– Вот как? – Сашка кивает, – давай провожу тогда.

И Машка соглашается.

Они идут вдоль набережной, молчат и приглядываются друг к другу. Машка, почему-то смущаясь, искоса, а Сашка открыто, очень внимательно и даже нагло.

Его взгляд скользит по лицу Машки, тормозя то на красных щеках, то на губах, то спускаясь к горлу, по которому он совсем недавно скользил пальцами.

И Машка ощущает этот взгляд, словно прикосновение, легкое, но настойчивое.

Она почему-то не может себе позволить похужее поведение, хотя даже вскользь Сашка ей кажется все больше и больше интересным.

Удивительно, как из вечно неряшливого, худого, вихрастого мальчишки с озорными глазами и постоянными ссадинами от бесконечных драк вырос такой интересный парень, высоченный, широкоплечий, симпатичный.

Всем хорош Сашка. Вот только обстоятельства их встречи пугают и даже напрягают...

– Слушай, – прерывает она тишину между ними, – я, конечно, никому не скажу о... сегодняшнем... но...

– Это мы, типа, поспорили, – тут же отвечает Сашка, улы-

баясь настолько открыто и завлекательно, что Машка просто забывает о том, что хотела сказать.

Из головы как-то сами собой выветриваются все возражения, все логические, вообще-то, доводы, говорящие совсем не в пользу его объяснения ситуации...

И остается только что-то волнующее, сладковато-пряное, словно предвкушение перед новым еще, неизведанным... Но обязательно невероятным...

Сашка начинает спрашивать о том, где она сейчас, чем занимается, и Машка охотно переключается на безопасную тему, рассказывая об учебе, работе, случаях в травме, в морге, куда их отправляли на практику, и прочее.

Сашка слушает внимательно, смеется там, где надо, поддерживает разговор, как-то ловко съезжая с темы о себе. Машка, увлеченная им, этой ночью, луной, что обливает их своим призрачным, таким волнующим светом, не обращает на это все внимания. Ей кажется, что она легкая-легкая, все так классно, так невероятно, что не хочется думать о земном. Только гулять дальше, держась за руки с этим, очень-очень интересным парнем, так открыто показывающим, что она ему нравится...

Болтая, они доходят до ее дома и останавливаются у подъезда.

Машка смотрит на своего бывшего одноклассника, такого привлекательного, веселого, загадочного, и неожиданно ощущает что-то похожее на сожаление. Она уедет завтра.

Эта практика очень важна, если она хорошо себя покажет, то будет шанс вырваться отсюда, из провинции, жить и работать в столице... Это ли не круто?

И Сашка... Он, конечно, классный и все такое... Но...

– Знаешь, я приходил тогда к твоему подъезду, – неожиданно серьезно Сашка, смотрит на нее так внимательно, пронизывающе, что Машку невольно дрожь пробирает. Она сразу понимает, о чем он говорит. О каком времени ее жизни. – Ждал, что ты выйдешь... А ты не выходила. И в школе не появлялась... Сказали, что ты заболела. А потом... Потом сказали, что ты перешла в другую школу...

Его хриловатый взволнованный голос пробирается куда-то под кожу, царапает что-то внутри, так остро и сладко. Приходил... Ждал... Черт...

Машке становится одновременно приятно и обидно. Почему не стал настаивать? Почему не дождался, пока выздоровеет, не поймал у подъезда?

– А потом я... Ну, короче... Не мог...

Сашка чуть отводит глаза, явно не желая рассказывать, по каким причинам он не нашел ее тогда, в их двенадцать. Что-то произошло с ним тогда, наверно, не особенно хорошее, о чем вспоминать не хочет...

– Но я тебя вспоминал, Малинка... И даже блеск для губ тебе купил и в почтовый ящик сунул...

– Я... – Машка округляет глаза, – я не находила...

Сашка хмурится, но не комментирует. У Машки есть по-

дозрения, почему она не получила свой подарок тогда, больше десяти лет назад, но озвучивать она их не хочет. Почему-то неприятно даже думать, что мама могла... А она ведь могла...

– Он был малиновый... – шепчет Сашка, и Машке становится горячо.

Совсем как тогда, в их двенадцать, в этот же день, дурацкое Восьмое марта, когда этот мальчик сказал ей, что ее губы словно малина...

Она непроизвольно облизывает нижнюю губу, а через мгновение уже взволнованно и удивленно ахает, потому что Сашка, резко преодолев разделяющее их расстояние, хватывает ее за плечи и целует. Сразу так глубоко, жадно и порочно, что Машка, обескураженная, взволнованная и, пожалуй, ожидающая чего-то такого, просто раскрывает рот, позволяя вытворять с собой совершенно неприемлемые на первой встрече вещи...

Хотя, они в Сашкой уже давно знакомы, так что...

Он очень нетерпеливый, держит так крепко, словно боится, что она исчезнет, целует так жадно, словно она – первая для него, или даже единственная... От него вкусно пахнет чем-то терпким, мужским очень, а грудь твердая, плечи напряженные, мышцы на руках напрягаются заметно даже под курткой...

И Машка теряет себя в этом всем, забывает про Вадика, про то, что, в сущности, совсем не знает Сашку, что он явно

не договаривает многое, что он чужой и опасный...

В эту ночь, в ее съемной хрущевке, на матрасе, небрежно брошенном на пол, она вообще ни о чем не думает. Не получается потому что.

Сашка не позволяет думать, приходить в себя. Без одежды он еще круче, массивней как-то, тяжелей, рельефней, татушка, часть которой видела Машка на шее, оказывается здоровенной, затейливой, с переплетенными языками огня, какими-то кельтскими узорами и цифрами. Она так круто вписывается в рельеф мышц на спине и правой руке, что Машка не может удержаться, отслеживает языком все изгибы, кое-где даже прикусывая кожу и сглатывая слюну удовольствия и возбуждения.

Сашка совсем не нежен, он не пытается понять, как ей нравится, не устраивает эквилибристики в постели, как некоторые Машкины прежние парни в первый их раз. Он просто делает в ней все, что ему хочется, не спрашивая, так властно, так по-мужски, жадно и в то же время нежно, даже бережливо трогая, целуя, направляя...

У Машки создается ощущение, что она для него – что-то большее, чем случайная любовница, или первая школьная любовь...

И, покоренная этим ощущением, она полностью отпускает себя, позволяя ему такое, чего никогда до этого... Да и после тоже...

И единственное, что тревожит ее этой ночью, из-за че-

го она периодически все же всплывает на поверхность безумия, хватая опаленными, искусанными губами воздух, это ее утренний отъезд... Надо сказать Сашке... А как? И, главное, когда?

Каждый раз, когда Машка пытается поговорить с ним, Сашка, словно опасаясь услышать что-то плохое, ненужное ему, тут же затыкает ее поцелуем, наваливается, торопливо и жадно проводя горячими ладонями по послушному ему телу и выбивая опять все мысли из ее головы...

В итоге Машка малодушно решает, что как-нибудь скажет утром, и полностью тонет в их общем, одном на двоих, безумии...

А утром просыпается от горячих губ Сашки на затылке и шепота, что ему надо бежать, но он забил свой телефон в ее и позвонит, когда освободится...

Машка, сначала вскинувшись, потом валится на измочаленный матрас, почему-то с облегчением выдыхая.

Наверно, это самый лучший вариант...

Вот только хлопнувшая дверь почему-то больно бьет по глазам, выталкивая ненужные сейчас слезы...

В поезде Машка отправляет по новому для себя номеру краткую смс, что уезжает в Москву и вернется через два месяца...

И твердой рукой отключает звук, когда телефон раздражается требовательной трелью.

Она не готова сейчас говорить, не готова что-то обещать

и оправдываться, в конце концов, она не обязана этого делать...

За окном летят мартовские снега, светит уже по-весеннему пронзительное солнце... И, наверно, именно от него глаза слезятся. Точно, от него.

Машка, с каким-то усталым обреченным чувством думает, что в очередной раз Восьмое марта прошло у нее странно. И то, что казалось катастрофой, внезапно вывернулось неожиданным подарком... Верней, не подарком, а так... Приманкой. Поманило и ускользнуло.

Дурацкий март. Дурацкий праздник... Все так по-дурацки...

Глава 3

– Мария Дмитриевна, еще один, – медсестра Леночка заглядывает в кабинет, делает страдательное выражение на мордашке и явно сочувствует.

Машка отрывается от экрана компьютера, бросая изучать снимки, присланные из рентген-кабинета, оценивает лицо Леночки, вздыхает.

– Что там?

– Колото-резаное и сотрясение, похоже...

Машка встает, пытаясь сдержать тяжкий вздох и недобрым словом поминая проклятый женский праздник, который никогда не проходит спокойно.

Правда, в последние три года она не может даже пожаловаться на то, что это все не она, это все праздник дурацкий виноват, потому что профессию выбрала не самую подходящую.

И стабильно выпадающее на Восьмое марта дежурство – это так... Это уже даже не кажется смешным и принимается с философской обреченностью.

Ну не ее праздник, чего уж там...

Надо понять и принять. И отпустить уже, черт...

Хотя, это Восьмое с самого начала претендует на эксклюзив с последующими длительными реанимационными мероприятиями: стерилизацией коньяком, целебным суточным

сном и, желательно, массажем. Если не внутримышечным, потому что ответственный за внутримышечный проводит этот праздник в кругу близких людей, строя из себя примерного семьянина и любящего мужа, то хотя бы такой... Поверхностный.

Но до подруги-массажиста еще надо добратся, а потому Машка сейчас мечтает, чтоб смена, так по-дурачки начавшаяся, все же порадовала хоть какой-то лояльностью к ней, затурканной до невозможности, не выглядящей на свои двадцать четыре, женщине...

Это ей заведомо сегодня такое заявил, вместо поздравления. Так и сказал: “Вы же молодая девушка, Мария Дмитриевна, что ж вид-то у вас, словно сорок лет уже перешагнули?”.

Скотина.

Машка чуть морщится, вспоминая утренний разговор с начальством.

Мельком косится на зеркало, перед тем, как выйти из кабинета. Ну да, отражение не радуется.

А все почему? А все потому, что высыпаться надо... И меньше работать... И вообще... Не здесь работать.

Хотя, судя по разговору с начотдела, последнее как раз скоро и случится. Очень уж неудобная подчиненная из Машки получилась... На утренних пятиминутках вопросы бестактные задает, молчать не умеет, когда начальство гневаться изволит, в кабинете с начальством оставаться в приятной

компании отказалась... Плохой специалист, плохо в Москве интернов учат...

Вот и получает Машка одни выговоры и лишения премий. И смены праздничные, конечно же, все ее. А чего молодому специалисту скучать одной на праздники? Семьи нет, детей нет... Только мама, да и та лежащая.

Машка все же морщится, с досадой ловит себя на этой гримасе и поправляет маску на лице.

Нет ничего более действенного для исправления внешности, чем медицинская маска.

Вот и сейчас помогает.

В коридоре нарастает шум, гомон сразу нескольких мужских голосов, среди них особенно выделяется один, жесткий, командный, он перекрывает остальные, в том числе и виноватый говорок Леночки.

Это еще кто такой громкий распоряжается в ее смену?

Машка, еще раз проверив маску и шапочку, выходит в коридор.

И сдерживает тяжкий вздох, увидев у кабинета первичного приема нескольких здоровяков в приметном камуфляже.

Опять...

Это не судьба, это просто день такой...

И глупое стечение обстоятельств.

С какой стати именно Восьмое марта выбрали несколько компаний, чтоб провести масштабные мероприятия, Машке до сих пор непонятно. И как им это разрешили власти, тоже.

Хотя, с этим-то как раз яснее ясного. Коррупция, матушка, куда ж без нее...

Но в любом случае, кем надо быть, чтоб одновременно разрешить проведение хоккейного матча, концерта популярной группы и фестиваля автозвука? И все это в их не самом большом городе, в женский праздник, когда все развлекательные заведения переполнены веселыми женщинами, жаждущими любви? Да они сами по себе – оружие массового поражения, а тут еще и отягчающие обстоятельства в виде массовых скоплений мужиков... Ну, и мартовский гололед никто не отменял, естественно.

Так что с утра плотненько пошли сломанные ноги, руки, растяжения, ушибы и сотрясения, а вот после обеда и к вечеру ближе повалили болельщики, зрители, фанаты, празднующие женщины и полиция.

Последних прямо ненормально много было, Машка весь вечер в легком удивлении провела.

И вот сейчас, ночью, вроде уже основной поток прошел, теперь только ждать перепивших, перегулявших, и колото-резаные, конечно, потому что женщины любят, когда за них сражаются.

И надо же, опять полиция! Или не полиция?

Машка подходит ближе, щурясь на знаки отличия на пестрой форме мужчин, но понять ничего толком не может. Не ОМОН, не Альфа... Что-то еще, странное. Ну, да и Бог с ними.

Главное, осмотреть пострадавшего. А перед этим унять крикливого.

Этот самый крикливый, скорее не крикливый, а просто очень громкий, привыкший командовать, жестко строит бледную Леночку, требуя немедленного осмотра своего бойца, причем, не рядовым травматологом, а ведущим, и оказания помощи по всем фронтам, иначе тут будет сейчас очень громко!

– Здесь и без того чересчур громко, – вклинивается Машка в разговор, не скрывая агрессии, потому что Леночка, буквально месяц назад пришедшая на практику из медучилища, того и гляди грохнется в обморок. А это никуда не годится. Леночка – ее, Машкина, подчиненная, ей ее и кошмарить! – Будьте добры, смените уровень децибел. Здесь больница, а не плац.

В коридоре наступает мертвенная тишина, а все присутствующие, словно по команде, поворачиваются к ней. И лица у них такие, что, будь Машка попугливее, то уже отступила бы на шаг назад.

Но Машка только вскидывает подбородок, осматривая по очереди всех военных и особенно того самого, громкого.

И замирает, не моргая... И ощущает, как сердце, пару раз предупредительно стукнув, падает к пяткам.

Потому что на нее смотрит Сашка Светлов.

Повзрослевший, заматеревший какой-то, приобретший к своему немалому росту еще и серьезную весовую, похоже...

Или это форма так прибавляет размер?

Небритый, грозно хмурящий брови, с жесткой линией губ... Но это именно он, Сашка.

Тот самый, что в двенадцать лет провожал плачущую Машку до дома и подарил малиновый блеск для губ, так и не попавший в ее руки... Тот самый, что в Машкины двадцать спас от грабителей, а потом так долго и сладко любил ее в съемной халупе, на матрасе, брошенном на пол... Тот самый, чьи глаза, руки и хриплый, восхищенный шепот она иногда видела во сне.

Не часто, нет...

Все же, жизнь в Москве, учеба, интернатура... Это не позволяло грустить, хандрить и рефлексировать.

Так что та ночь вскоре превратилась во что-то эфемерное, сладко екающее внутри при воспоминании. Было в ее жизни, и хорошо...

Хоть что-то хорошее было.

Вернувшись обратно в родной город, чтоб ухаживать за получившей травму матерью, Машка даже не думала о том, что может встретить своего бывшего одноклассника, хотя, на удивление, многих встречала... Из своей старой школы, той самой, откуда перевелась в двенадцать лет.

При встрече не здоровалась, конечно, потому что не сразу узнавала, а потом, когда приходило понимание, с кем пересеклась взглядами на улице, как-то уже поздновато было. А с теми, кого сразу узнавала, не хотелось здороваться и раз-

говаривать.

Например, с бывшей закадычной подружкой Анькой, так жестко подставившей ее тогда, Восьмого марта.

Машка ее, кстати, тоже не узнала бы, если б не пришлось на остановке рядом простоять минут двадцать. И лицо, показавшееся знакомым, выделилось из толпы.

Анька превратилась в неопрятную полнотелую женщину. Вот уж кому не дашь ее двадцать четыре! Она, стоя в двух шагах от Машки, похмелялась ягуаром и выглядела так, словно ее долго-долго возили по асфальту головой.

Машка, узнав одноклассницу исключительно по глазам, торопливо отвернулась, опасаясь, что Анька ее может заметить.

Мать говорила, что родители Аньки, известные на районе предприниматели, владельцы нескольких точек с сигаретами, разорились еще когда Анька в школе училась. Ее мать устроилась работать бухгалтером, там что-то не пошло, и она села за растрату на четыре года. Отец нашел себе другую женщину, а Анька... Анька жила в родительской квартире и прогуливала потихоньку все нажитое добро.

Судя по тому, что увидела Машка, имущество родителей Аньки закончилось, и она теперь зарабатывала самостоятельно. Так, как умела.

А красавчик Семин, говорят, сразу после выпускного убил в пьяной драке человека и сел на пятнадцать лет...

Короче говоря, как-то не особо приятно было Машке

встречать одноклассников...

Она все это время старательно не думала о том, что могло быть с Сашкой Светловым. Как сложилась его жизнь? Учитывая тот образ жизни, что он вел... Машка не хотела узнавать, не хотела лишнего...

Сашка оставался для нее чем-то невероятно приятным, светлым, словно лунный луч той весенней ночью.

И никогда, ни в каких, пусть и мимолетных фантазиях, не могла Машка предположить обстоятельства, при которых они сейчас встретились...

Сашка мог сесть в тюрьму, это самый логичный вариант, мог превратиться в наркомана, пьяницу, да мог просто погибнуть в какой-нибудь пьяной драке! Это бы не удивило, только расстроило...

Но вот то, что он мог быть военным, причем, явно не простым солдатом, а командиром... Этого Машка никогда в жизни бы не сумела предположить.

Потому теперь, глядя в темные, жесткие глаза, ощущает бесконечное удивление, даже оторопь, пополам с чем-то непонятным пока, трепещуще приятным...

С этим ощущением мы достаем старые свои дневники, перечитываем смешные наивные записи, удивляясь, какими нелепыми были наши детские проблемы, и вспоминая, что тогда они казались нам чем-то невозможным, совершенно не решаемым... А теперь забыты так прочно, что приходится серьезно напрячься, воскрешая в памяти события детства...

Эта трогательность, хрупкость даже, те маленькие дети, что до сих пор живут внутри нас и дают о себе знать совершенно неожиданно: знакомой мелодией, старой книжкой, маминым голосом, мурлычащим незатейливую, знакомую с колыбели мелодию...

Машка ощущает, как перехватывает дыхание, а на глаза наворачиваются слезы. Сашка... Светлов... Красивый какой. Большой. Вырос, надо же... В последнюю их встречу ей казалось, что он огромный, куда еще расти... А сейчас... Он еще больше, еще выше.

И не узнает ее. Совсем не узнает.

Смотрит сердито и снисходительно, меряет фигурку в медицинском костюме насмешливым взглядом, удивляясь, что это еще за пигалица смеет тут ему указывать...

Именно этот взгляд приводит Машку в чувство.

Он не узнает ее. Ну конечно! Она в маске, шапочке, и вообще... Наверно, прав заотдела, выглядит она старше гораздо...

Машке почему-то становится стыдно за свой внешний вид, за волосы, скрученные в гульку и убранные под шапочку, за круги под глазами, несвежую кожу лица, сухие от постоянного использования перчаток руки, след на переносице от маски...

И следом за стыдом приходит облегчение: ну и хорошо, что не узнал! И правильно!

Сейчас она примет его бойца, окажет помощь, даст реко-

мендацию... И, кстати, почему не на скорой? Совсем с ума сошли...

– Проходите в кабинет, – сухо кивает она, не позволяя уже раскрывшему рот Светлову что-то сказать.

Разворачивается и уходит, ощущая спиной удивленный тяжелый взгляд...

Он не узнал, но это не мешает пялиться... Да уж, Сашка явно не вспоминал ее все эти годы... И хорошо. Она, собственно, тоже монашкой не жила...

Теперь разобраться с его бойцом, отпустить...

И навсегда забыть про Светлова.

Это же возможно? Забыть, зная, что он... Такой вот... Здесь, в одном городе с ней?

Машинально выполняя свою работу, Машка думает о том, что Светлов, наверно, женат. И даже наверняка. Такой мужик не будет тосковать в одиночестве...

И что не стоит про него думать. Все решила же... Но почему-то думается... Глупость такая... Но просто он... Он такой... А она... Такая... Дура...

Просто дура, боже...

Боец, у которого оказывается только сотрясение, а колото-резанная – всего лишь небольшой порез, и непонятно, зачем надо было так орать, поднимая на уши весь травмпункт, уже давно ушел, ушли его шумные сослуживцы и их громкий командир...

И Машка стоит у окна, смотрит на темный парк, как и

много лет назад, залитый лунным светом... И почему-то глаза на мокром месте. Так странно, так глупо... Глупое Восьмое марта... К черту его!

И не замечает, что позади открывается дверь...

Глава 4

– Привет, Малинка, – голос Светлова звучит теперь по-другому, совсем не так, как до этого, в коридоре. Неуверенно, более проникновенно, что ли... Но все равно Машка вздрагивает и пугается чуть-чуть.

И смотрит в отражение оконного стекла на здоровенную фигуру в камуфляже, намертво закупорившую выход из кабинета.

Машка почему-то настолько теряется и волнуется, что пару секунд всерьез раздумывает над идеей десантироваться отсюда при помощи окна.

Но Светлов не делает больше никаких движений, просто стоит, просто смотрит...

И Машка, собрав все мужество, поворачивается, успевая надеть на лицо выражение удивления и легкого интереса.

– Привет, Саш, – она не пытается притворяться, что не узнала его, это уж как-то совсем по-детски выглядело бы. – Как узнал?

– По запаху, – усмехается он, странно очень, одновременно хищно и печально, – малиной пахнешь.

Где он умудрился унюхать малину, учитывая смешение на медицинской форме больничных запахов и полноценного восьмимартовского рабочего дня, остается загадкой. И Машка не собирается ее разгадывать. Пожимает плечами, мали-

на, так малина...

– Как дела у тебя, Саш? – спокойно интересуется она, стремясь сохранить вежливо-нейтральный тон.

Они просто бывшие одноклассники... И один раз любовники. Это не обязывает ее кидаться ему на шею и вообще вести себя... как-либо по-другому.

– Неплохо, – задумчиво скользит он взглядом по ее фигуре, от рабочих тапочек до шапочки, и Машке невольно хочется поправить одежду, потому что внезапно ощущает себя... Ну, слегка не одетой, скажем так. Может, пуговицы где расстегнуты? – А ты? Давно в городе?

– Уже год, – отвечает Машка, не задавая глупых вопросов о том, откуда он знает, что ее не было в городе. Судя по форме, возможности найти нужного человека у него есть... Но вот зачем искал, интересно? – А ты?

Она интересуется наугад, просто зеркала его. И неожиданно угадывает.

– Я три месяца назад приехал, – Сашка, наконец, отлипает от косяка, шагает внутрь помещения и закрывает за собой дверь.

Машка в легкой панике смотрит на единственный путь отступления, неожиданно ощущая себя очень шатко и неуверенно.

Не то, чтоб она боялась Сашку, чего его бояться, но вот как-то все... Странно... И как вести себя, непонятно. Не готова она сейчас к этому всему! Просто не готова! После пол-

ного рабочего дня, да еще и дежурство продолжается же, за- просто в любой момент тут может стать горячо... И общать- ся со своим внезапно вылезшим прошлым... Блин, гребан- ное Восьмое! Хоть в анабиоз впадай в этот день, чтоб мини- мизировать проблемы!

– Откуда? – машинально задает она вопрос, наблюдая, как Сашка приближается, и нервничая по этому поводу. Зачем он идет? Что хочет?

– Из командировки, – коротко отвечает он, чуть притор- маживает в шаг от нее, словно решает, надо ли ближе или нет. И, в итоге, сокращает расстояние...

Машка невольно задирает подбородок, чтоб смотреть ему в лицо.

Сашка высокий, просто очень высокий, не меньше метра девяноста, а то и двух, и плечи широченные, едва в проем двери поместился... И сейчас он закрывает ее полностью, весь мир собой заслоняет.

Стоит и смотрит, и ноздри чуть подрагивают. Словно ре- ально принохивается, чувствует запах... малины?

Машка понимает, что надо что-то говорить, наверно... Но слова не идут. И взгляда оторвать от его лица невозможно. Он так близко, что видно каждую морщинку у глаз, стран- ные, светлые они, эти морщины, словно щурился много на солнце... В командировке был... Где много солнца даже три месяца назад, зимой... И небритость, небольшая, но конец дня, а он, наверно, брился утром... И губы обветренные,

жесткие даже на вид. И хочется провести по ним пальцем, проверить, насколько они твердые...

– Малинка, – шепчет он, так тихо получается, интимно даже, что сразу в голове флешбеки их единственной ночи, когда так же шептал, уговаривал, ласкал...

Машка с легкой оторопью ощущает, как внутри все поднимается, словно тело само по себе откликается на немой призыв... Это странно, незнакомо даже. И не было никогда такого... Верней, было... В их с Сашкой двадцать...

– Малинка... – хриплый голос царапает по сердцу, и Машка закусывает губу, сдерживаясь и лихорадочно пытаюсь придумать, что сказать, что сделать... Чтоб побороть в себе очень даже неприличное желание подтянуться положить руки на эти широченные плечи и попробовать на вкус твердые губы. Попробовать сделать их мягче...

А затем Сашка поднимает руку и стягивает с ее головы шапочку. Машка на миг зажмуривается, потому что пальцы, твердые, шершавые, мимоходом, легко касаются щеки... И это воспринимается лаской. Острой, на грани возможного.

Сашка что-то еще делает с ее головой, и через мгновение Машка ощущает, как освобождаются волосы из пучка, рассыпаются по плечам... И как Сашкины пальцы неожиданно нежно для таких жестких, царапучих, зарываются в ее уставшую за день работы гриву, мягко массируют кожу головы. И это так божественно, что она не может больше сдерживаться, тихо стонет, податливо склоняясь так, чтоб Сашке было

удобней.

И не сопротивляется, когда он тянет ее ближе к себе. В его руках неожиданно хорошо. Это как долго бродить где-то, в чужом краю, а затем вернуться домой... И запустить босые ступни в пушистый ковер у кровати...

– Малинка... – шепчет он, обжигая горячим дыханием губы, и это безмолвное требование, приказ, которому Машка подчиняется. Раскрывает рот и с восторгом ощущает, как он прикасается. Нежно-нежно, осторожно, словно пробуя.

И губы у него твердые, да... Такие настойчивые... Пожалуй, настойчивей, чем она запомнила... И в то же время – более умелые... Научился за эти годы...

Мысль эта не вызывает негатива, в конце концов, Машка тоже не монашкой жила... Но все прошлое сейчас почему-то воспринимается далеким-далеким и совершенно ненужным... Словно сон был. А настоящее, реальное – вот оно. Сейчас.

Сашка усиливает напор, целует все грубее, жестче, его большие ладони обхватывают ее за талию, чуть приподнимают, чтоб удобней было целовать, Машка ощущает, что ноги не касаются пола, что она просто висит в его руках, и это почему-то вызывает дикий восторг, руки сами тянутся обнять его за шею, легко царапая короткими ногтями по затылку, Сашка сдержанно рычит ей в губы, но не прекращает целовать, наоборот, только распаляется все сильнее.

И это просто упоительное ощущение, Машка теряет пол-

ностью связь с реальностью, и нет в мире больше ничего, кроме этого большого, грубого мужчины, опять, в который раз, сделавшего проклятый праздник Восьмого марта забываемым...

– Мария Дмитриевна, там опять... Ой... – Леночка залезает в кабинет, тормозит на полном ходу, – простите...

И выбегает за дверь.

А Сашка, прекратив целовать Машку, но не прекратив держать на весу, только усмехается и зарывается носом в ее волосы:

– Черт... Малинка... Офигеть...

Машка не отвечает, хотя с его определением ситуации полностью согласна. И даже, может, и грубее можно сказать... Но не нужно.

Она держится за его шею, вися послушной тряпочкой в тяжелых, властных руках, и ощущает себя невероятно счастливой и защищенной.

И не хочется его отпускать. Он ведь... Он может выйти сейчас за порог и не вернуться... И окажется, что его и не было, а все, что произошло, просто ее сон, результат временного помрачения рассудка...

И Сашка, похоже, чувствует то же самое, потому что отпускать ее вообще не торопится, сжимает, водит носом по шее, покрывая чувствительную кожу мелкими, царапучими поцелуями... И это так морозно-сладко, что Машка только ежится счастливо...

– Мария Дмитриевна, – пищит из-за двери деликатная Лелючка, – там вы срочно нужны. . .

Машка выдыхает, смотрит на Сашку:

– Мне надо идти.

– Когда заканчиваешь? – хрипло интересуется он, не торопясь отпустить.

– Утром, в восемь.

– Хорошо. . . Я тебя встречу.

Это сказано таким командным, безапелляционным тоном, что от любого другого и в любой другой ситуации Машка бы обязательно взбрыкнула. Но сейчас она только выдыхает и кивает.

– Номер телефона твой.

Сашка отпускает ее, напоследок скользнув губами по шее. Машка вздрагивает, скрывая прыгающие по коже мурашки, тянется за телефоном, смотрит вопросительно, и Сашка диктует ей цифры.

Машка делает дозвон, смотрит, как он принимает, сохраняет. И опять смотрит на нее. Темным, горячим взглядом.

– Даже не надейся, что в третий раз у тебя это получится, – коротко и с легкой угрозой говорит он.

– Что? – удивленно поднимает она брови, слегка кокетничая, потому что всем все понятно, естественно.

– Исчезнуть. . .

Он не выдерживает, опять тянется к Машке, подхватывает ее, и она с готовностью позволяет ему поцеловать себя.

Коротко, невероятно жадно и с обещанием.

– Мария Дмитриевна... – голос Леночки извиняющийся, но очень настойчивый.

– Иду!

Машка спешно собирает волосы в гульку, пристраивает шапочку и маску, пряча натертые, зацелованные губы, и, бросив взгляд на невозмутимого Сашку, идет к двери.

Там Леночка, смущенно переминающаяся с ноги на ногу, с облегчением выдыхает и, поглядывая на молча стоящего за спиной Машки здорового мужчину, принимается быстро тараторить про очередного пациента.

Машка кивает, изо всех сил делая вид, что все штатно, нормально, и то, что она целовалась на рабочем месте с посторонним военным, вообще в рамках.

Она выходит в коридор, Сашка тяжело топает за ней.

У кабинета первичного приема опять очередь, и Машка вздыхает. Восьмое, оно такое Восьмое... Хороший праздник...

Она поворачивается к Сашке, слегка смущенно, не зная, как себя вести, что говорить. Поцеловать? Кивнуть? Сказать “до свидания”?

Сашка решает эту проблему, улыбнувшись и кивнув на прощание:

– До утра, Малинка.

Разворачивается и уходит, а Машка с полминуты смотрит вслед, на его широкую, ровную спину, и мысли у нее... Сум-

бурные и странные.

Но из кабинета доносятся голоса, и Машка, встряхнувшись, идет работать. До конца смены еще далеко.

Если выдастся свободная минутка, она обязательно подумает о непонятных происках судьбы, постоянно сталкивающей ее с Светловым именно Восемьмого марта. Что-то же это должно обозначать?

Утром она сдает смену Макару, судя по похмельному лицу и выхлопу, удачно отметившему праздник с семьей.

Улучив момент, когда они остаются наедине, Макар дарит ей коробочку с украшением.

Машка удивленно смотрит на любовника:

– Ты чего это? Жене не подошло, что ли?

И, по недовольно сжавшимся на миг губам, понимает, что прямо в точку попала.

Отдает ему коробочку:

– Спасибо, не ношу браслеты.

– Ну, Манюнь... – он тянется к ней губами, – злишься?

Ну не мог я вчера никак...

Машка уворачивается, насмешливо поднимая бровь в удивлении:

– Да с чего ты взял, что я злюсь?

– Не злишься? – обрадованно и с облегчением говорит Макар, – давай тогда кабинет закроем... На пять минут... Я тебя по-другому поздравлю...

– Ого, – Машка идет к двери, стягивая по пути халат и

шапочку, – целых пять минут...

– Можно и десять, – обиженно бубнит Макар, топая следом.

Машка открывает дверь, поворачивается к нему:

– Пока, Макар.

– Я наберу вечером, – говорит он, но Машка только головой качает:

– Не стоит, Макар. Тебя дома жена ждет.

– Ну, Маш... – он выходит следом за ней из кабинета, – ну ты чего?

– Ничего, прощай, Макар, – отвечает Машка, заходит в ординаторскую, быстро накидывает пальто и переобувается.

Макар все это время стоит в дверях и смотрит на нее.

– У тебя кто-то появился? – проницательно спрашивает он, и Машка пожимает плечами.

– Возможно...

– Маш, – Макар идет к ней, птается обнять, – ну не дури... Я понимаю, ты расстроилась, но что я могу сделать? Я же говорил, что, как только младший пойдет в первый класс...

– Боже, Макар, ну хватит уже, – не выдерживает Машка, – я у тебя никаких обещаний не выпрашиваю, успокойся. Просто уйду.

– Кто-то все же появился, – кивает Макар, – и давно?

Машка поднимает брови, удивляясь прозвучавшей в его вопросе ноте ревности, качает головой и выходит из кабинета.

Макар идет за ней, что-то спрашивая, уговаривая, и Машку эта ситуация до странности поражает. Что это с ним? Нет, не то, чтоб они договаривались о совместном будущем... У Машки никогда даже мысли не мелькало, увести Макара из семьи, зачем ей это? Она и в отношения, верней, недо-отношения эти влипла по чистой случайности. И продолжала их, потому что удобно... А теперь как-то все пошло кажется, глупо...

Сашка Светлов, гад, появился в жизни и... Все...

Машка ускоряет шаг, в голове шаршит искрами мысль, что сейчас она выйдет за порог... А там нет Светлова... И... Что она будет делать? Будет звонить? Узнавать?

Наверно, нет...

В конце концов, это будет классная месть с его стороны... Она два раза его кинула же...

Она выходит на крыльцо, не слыша уже слов Макара, которые он кидает ей вслед, ощущает себя бабочкой, вырвавшейся из кокона, потому что на улице – ослепительный весенний день, солнце льет буквально с неба лучи, заставляя на мгновение зажмуриться.

Еще холодно, лежит снег, но совершенно по-весеннему пахнет влажный воздух, и орут птицы, словно с ума сойдя от солнца и предвкушения тепла.

Машка невольно улыбается, подставляя лицо лучам и влаге. Весна. Она выжила. Именно так это ощущается, новой жизнью, совсем другой, не похожей на прежнюю...

Светлов появился вовремя. Даже если он больше никогда не придет, не позвонит...

– Малинка!

Машка не успевает додумать немного грустную, но наполненную чем-то удивительно светлым, мысль, открывает глаза и видит Сашку, невероятно легко для своей комплекции забегающего по ступенькам крыльца к ней навстречу.

В руках его букет весенних тюльпанов, свежий и изящный.

– Пришел? – выдыхает она, словно не веря своим глазам.

– Я и не уходил, – пожимает Сашка плечами, – я, конечно, тот еще тупарь, но все же третий раз лажать, даже для меня перебор... Больше я с тебя глаз не спущу, Малинка. Попала ты. На. – И протягивает букетик, немного забавно смотрящийся в его грубой лапе.

Машка, которой таких слов не говорили никогда, понимает, что почему-то их ждала... Так странно. Она его по-прежнему мало знает, но никакого протеста внутри не возникает.

Ждал. Караулил... Какой...

Она принимает цветы, думая, что их ей не дарили уже очень давно, даже и не вспомнить, когда в последний раз, улыбается еще шире и ощущает, как сердце начинает стучать радостно, с унисон с счастливым ором птиц, празднующих начало новой жизни.

Сашка сует ей этот букет, одновременно подхватывает на руки и целует, так горячо и откровенно, что сразу становит-

ся жарко под пальто. Машка, неловко обхватив его одной рукой, чтоб не помять цветы, прижимается теснее.

И невероятные эмоции, совсем не похожие ни на какие прежние, охватывают ее.

Тут и облегчение, что пришел, не обманул, и предвкушение, ведь дальше что-то будет... И это что-то определенно будет со знаком восемнадцать плюс, очень уж у Сашки губы настойчивые и взгляд властный. И невероятная радость от происходящего, Машке нравится, так нравится все!

Она опять чувствует себя двенадцатилетней девочкой, идущей с первого в жизни школьного вечера. И позади тяжелый вечер... А впереди... Впереди горящий взгляд влюбленного в нее мальчишки, его шепот: “Твои губы, как малина”, выскакивающее из груди сердце...

И целая жизнь. Хорошая жизнь.

Ведь весна же, ведь праздник.

Разве может быть по-другому?